

Жанна Пестряева

Любовь
БЕЗ СЦЕНАРИЯ

Снято на реальных чувствах

DIRECTOR

Жанна Пестряева

**Любовь без сценария.
Снято на реальных чувствах**

«Автор»

2026

Пестряева Ж.

Любовь без сценария. Снято на реальных чувствах /
Ж. Пестряева — «Автор», 2026

Семнадцатилетняя Аня живёт в бедной семье с матерью-алкоголичкой и агрессивным отчимом Баро. Единственный лучик надежды — военный Сергей, за которого она мечтает выйти, чтобы вырваться из ада. Но в её жизнь врывается Джими — чистокровный цыган с тёмным прошлым, который поселяется в их комнате. Однажды, движимый ревностью, он пишет Сергею сообщение от имени Ани, разрушая её планы на «спасение». Так начинается история двух одиноких, сломленных людей, которым предстоит пройти через боль, предательство, страх и недоверие, чтобы найти друг в друге настоящий дом. Сможет ли любовь исцелить старые раны? И готова ли Аня принять цыгана с его непростым прошлым, особенно когда узнаёт, что беременна от другого?

© Пестряева Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

2 глава.	11
3 глава.	16
4 глава.	20
5 глава.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жанна Пестряева

Любовь без сценария.

Снято на реальных чувствах

Часть первая

1 глава.

В тот вечер погода была такая, будто небо решило сэкономить на краске. Серое, ватное, без единого намёка на просвет. «А чего притворяться? Всё равно радоваться нечему». Ветер шёл по дворам, как полицейский – медленно и с подозрением.

Аня стояла перед старым зеркалом в потёртой деревянной раме – таким, которое видело больше семейных драм, чем востребованный психолог. Зеркало помнило бабушку, потом молодую Агнию, потом скандалы, потом бутылки.. и, возможно, лучшие времена, когда в этом доме ещё смеялись. Теперь в нём отражалась Аня.

Девушка красивая. Это признавали все – даже те, кто обычно скуп на комплименты. Тонкие черты лица, голубые глаза, густые, с легкой волной чёрные волосы. Красота, которая как будто случайно оказалась не по адресу. Потому что глаза у неё были не семнадцатилетние. В них была усталость человека, который уже трижды выплатил ипотеку, развёлся и пережил кризис среднего возраста. Ей шёл семнадцатый год. А чувствовала она себя на сто.

– Ань, хлеба! – донеслось из кухни.

Это Алёнка. Семь лет, организм растущий, аппетит стабильный, мечты простые – чтобы кусок был потолще.

Аня механически нарезала буханку на семь частей. Себе – самый тонкий ломтик. Не из героизма. Из привычки. В их доме героизм не поощрялся, а выживание – да.

Дом, кстати, жил своей отдельной жизнью. Он скрипел, вздыхал, пах перегаром и тушёной картошкой. В нём обитали пятеро детей, мать по имени Агния – женщина с красивым именем и сложной судьбой, – и дядя Баро.

Баро – персонаж колоритный. Крупный, с тяжёлым взглядом и манерой говорить так, будто вокруг все безнадежно глухие. Вошёл в дом как гость, остался как хозяин. Такие люди вообще редко спрашивают разрешения. Они просто появляются – навсегда.

Днём он был относительно мирным. Как медведь, который ещё не вспомнил, что он медведь. К вечеру, после пары бутылок, начинался спектакль. Громкий, эмоциональный, с элементами физкультуры.

– Чего здесь толкёшься? Работы мало? – раздалось у Ани за спиной.

Она вздрогнула. Не от слов – от интонации. У Баро голос был такой, будто каждое предложение он начинал с угрозы.

– Ужин готовлю.

– Готовит она... Деньги бы лучше приносила.

Интересная логика. Сам он, правда, деньги приносил редко, но критиковать любил постоянно. Некоторые люди считают, что если громко говорить, то автоматически становишься правым.

Агния, мама Ани, когда-то была красавицей. Из тех, на кого мужчины смотрят и теряют координацию. Швея от Бога, говорили соседи. Потом муж ушёл. И бутылка стала утешителем. Потом сломанная берцовая кость. Асимметрия таза. Потом инвалидность. Потом фраза «всё кончено» – и окончательный уход в туман.

Теперь она сидела на кухне, в старом халате, с треснутой кружкой. Лицо ещё хранило следы былой красоты, но возраст побеждал.

Аня смотрела на неё иногда и думала: а вдруг я тоже так? Вдруг красота – это просто временная акция? И хотя красота не делает автоматически счастливой, но прибавляет положительных эмоций к настроению.

Днём Баро ещё держал себя в руках. Но стоило ему выпить – а пил он почти каждый вечер, – как начинался ад. Он мог разнести всё вокруг, мог ударить мать, мог сорваться на детях.

В доме, кроме Ани, жили ещё четверо её братьев и сестёр, в том числе общая с Баро – их с матерью дочь, маленькая Злата, которой не исполнилось и трёх. Аня нянчилась со всеми. Она не была старшей сестрой – она была мамой. Для всех мамой. И даже для своей мамы. Она штопала, стирала, таскала уценённые овощи, следила за уроками, гасила ночные истерики. У неё не было подросткового бунта. Она не имела на него ресурса. Кормить, мыть, гладить, мирить, успокаивать. Своей жизни у неё не было. Она даже мечтать толком не умела – потому что мечта без денег в их доме считалась роскошью.

И тут появился Сергей.

Погода в тот день была неожиданно солнечной. Такой обманчивый весенний день, когда кажется, что жизнь может быть другой. Аня привела младших в зоопарк – бесплатно. Единственное слово, которое в их семье звучало с уважением. Впечатлений осталось на неделю.

Дети носились у клеток, а Аня стояла в стороне, прислонившись к ограждению. Она стояла у вольера с кенгуру. Смотрела, как та носит детёныша в сумке, и думала, что Петьке к зиме нужны ботинки. Кенгуру, кстати, выглядела спокойнее, чем она, ведь её детёныши не нуждались в обуви.

– Разрешите угостить ваших малышей мороженым?

Она обернулась.

Перед ней стоял мужчина в форме. Высокий, аккуратный, с тем спокойствием в глазах, которое появляется у людей, чья жизнь расписана по графику.

– Они не мои, – сказала она. – Это братья и сёстры.

Он облегчённо улыбнулся. Возможно Аня ему приятнее была без собственных детей.

У него была хорошая, открытая улыбка.

– Тогда тем более. Разрешите?

Она разрешила. И сама не заметила, как согласилась выпить с ним кофе, пока дети лижут эскиммо на лавочке.

Его звали Сергей, ему было двадцать два, он учился в военной академии. У него была квартира на окраине, родители-городская интеллигенция и никаких проблем, кроме служебных.

– Ты очень красивая, – сказал он просто, без намёка на пошлость. – И грустная. Почему?

Она пожала плечами. Не рассказывать же первому встречному про пьяного Баро и вечно голодных детей.

– Жизнь такая, – ответила уклончиво.

– Где учишься?

– На парикмахера.

Сергей взял её номер. Через день он позвонил, а Ане срочно нужна была модель на мужскую стрижку и она предложила Сергею. Он согласился. Так начались их отношения.

Сергей казался был идеальным. В смысле – идеальным для неё, для той Ани, которая мечтала вырваться из семейного гнезда. Он водил её в рестораны, где официанты подавали на белых тарелках и салфетки пахли крахмалом. Он дарил цветы – настоящие, в хрустящей плёнке, а не те вялые гвоздики, которые продавали у метро. Он покупал ей одежду – скромно, но со вкусом, чтобы не смутить своих родителей, с которыми однажды наметил познакомиться.

Перед визитом инструктировал:

– Не красься ярко. Говори поменьше. Улыбайся.

Это была не просьба. Это был дресс-код.

Знакомство с родителями Сергея состоялось через полгода после их первой встречи в зоопарке. Аня послушно надела тёмное платье, которое он же и купил, убрала волосы в аккуратный пучок, наложила минимум косметики. В прихожей у зеркала задержалась, вглядываясь в своё отражение. Из зеркала смотрела девушка, которую можно было принять за студентку педагогического – скромная, тихая, незаметная. Именно такой её хотели видеть.

Квартира родителей Сергея находилась в центре, в старом кирпичном доме с высокими потолками и лепниной на фасаде. Аня оробела ещё на подходе. В парадной у входа сидела консьержка. Когда они вошли, она улыбнулась молодой паре.

Лифт, казалось, пропитался духами и дорогим табаком, в подъезде было чисто и тихо – ни тебе пьяных соседей, ни кошачьего запаха.

Пахло чистотой и чужими доходами.

Дверь открыла мать Сергея – высокая, холёная женщина лет пятидесяти, с укладкой и в жемчугах. Она окинула Аню быстрым взглядом, задержалась на обуви (туфли, купленные на рынке на распродаже) и посторонилась:

— Меня зовут Тамара Васильевна. Моего супруга Анатолий Денисович.

Отец – с газетой, взгляд внимательный, оценивающий.

– Проходите. Серёжа нам много о вас рассказывал.

Отец сидел в кресле с газетой. Поднялся, пожал руку (пожал! как взрослой), кивнул:

– Здравствуйте, Анна.

– Здравствуйте, – ответила она и тут же поняла, что сказала слишком громко, что выдавало её нервозность.

Ужин проходил в большой столовой с тяжёлыми шторами и хрустальной люстрой. Аня старалась сидеть прямо, не горбиться, не класть локти на стол. Она следила за каждым своим движением и от этого чувствовала себя деревянной.

– Анна, вы где учитесь? – спросила мать, подливая ей чай.

– В училище, на парикмахера.

– А-а, – протянула та с лёгкой улыбкой. – Полезная профессия. Всегда при деле.

Отец хмыкнул в усы и уткнулся в тарелку.

– А ваши родители? – продолжила мать.

– Мама домохозяйка, – осторожно сказала Аня. – Папы нет.

– Разведены?

– Ушёл, когда я маленькая была.

– Понятно, – кивнула мать, и в этом «понятно» слышалось: «Из неполной семьи, из бедных, из тех, кто тянется к сыновьям культурных людей».

Аня положила себе салат. Попробовала – вкусно, но слишком много всего намешано.

– Вкусно, – сказала она, чтобы что-то сказать. – А что вы туда ложили?

Повисла тишина. Мать замерла с вилок в руке, отец поднял брови. Сергей кашлянул.

– Что положили? – переспросила мать с нажимом на последнем слове.

– Ну да, – Аня покраснела, понимая, что сказала что-то неправильно. – Очень вкусно.

– Спасибо, – холодно ответила мать. – Там оливки, креветки, немного рукколы.

Дальше ужин продолжался в напряжённой вежливости. Аня чувствовала, как на неё смотрят – оценивают, взвешивают, примеряют, как неудобную, но симпатичную вещь, которую можно взять, а можно и не брать.

Когда она вышла в туалет, то услышала обрывок разговора из кухни. Мать Сергея говорила тихо, но отчётливо:

– ...на мордашку ничего, конечно. Но слова не правильно говорит, манер нет. Серёжа, ты уверен? Бедняжка. Из грязи в князи...

Отец что-то пробурчал в ответ, и Сергей раздражённо сказал:

– Мам, перестань.

Аня покраснела. Она вдруг ясно ощутила разницу миров. В её доме говорили «ложить». В этом – «класть». И разница была не только в глаголах.

Она замерла за дверью, прикусив губу. Хотелось провалиться сквозь землю. Или убежать. Но она не убежала. Гордость – это последнее, что остаётся, когда ничего больше нет.

Вернулась за стол, допила чай, улыбнулась на прощание.

В машине Сергей молчал. Аня тоже молчала. Он понял, что она слышала последние фразы в свой адрес. Только когда подъехали к её дому, он сказал:

– Ты не обижайся на них. Они старого поколения, им нужно время, чтобы принять человека, не похожего на них.

– Я не обижаюсь, – ответила она. – Я понимаю.

Но внутри всё кипело. Понимала она одно: для них она – диковинка, забавный зверёк из другого мира. И никакой Серёжа не сделает её своей в этом мире.

Родителям она не понравилась. «Скромная, красивая, из простой семьи», – сказала его мать, и Аня поняла, что «из простой семьи» значит «не из их круга, не подходит».

Ей было всё равно, что думают родители. Лишь бы он забрал. Лишь бы вызволил из семьи. Окажется ли упрямым, чтобы пойти против воли родителей?

—

Девушка почти влюбилась. Вернее, она позволила себе поверить, что влюблена. Когда Сергей обнимал её, она закрывала глаза и представляла, что это навсегда. Когда он говорил о будущем – о совместной квартире, о детях, о спокойной старости, – она кивала и улыбалась, хотя внутри что-то тонко, едва слышно возражало.

Что-то не так. Но что – она не могла понять.

Сергей был хорошим. Правда. Спокойным, уверенным. Аня сначала радовалась. Разговаривает ровно, без истерик, без пафоса, смотрел прямо, не суеился. После всех её штормов он казался тихой гаванью. В его мире всё было аккуратно разложено по полочкам: работа, планы, отпуск два раза в год, правильные слова в нужный момент. Таких обычно показывают в рекламе банковских вкладов – положил деньги и спи спокойно.

Она даже позволяла ему немного больше, чем стоило бы: поцелуи, объятия, долгие вечера в его съёмной квартире... Она чувствовала, что становится зависимой. От его тепла, от его запаха, от его тела.

Как-то ночью, лёжа рядом с ним (он дремал, а она смотрела в потолок), Аня вдруг поняла, что не знает о нём ничего важного. Какой у него характер, чем увлекается? Умеет ли прощать и мириться? Сам Сергей ничего о себе не рассказывал и о ней знать ничего не хотел. Но она гнала эти мысли. Сергей – её шанс. Единственный. Надо держаться за этот шанс.

Но однажды Аня заметила одну деталь: он не спрашивал как она проводит вечера, чем увлекается, какие у неё трудности, радости. Когда разговор подходил к болезненным темам, он мягко, интеллигентно, как хирург в дорогой клинике, переводил его в безопасную сторону.

Ему нравилась Аня в формате «лайт». Красивая, тихая, благодарная. Та, что улыбается и не перегружает реальность подробностями. Та, у которой максимум драмы – не тот цвет помады.

А настоящая Аня...

С пьяной матерью, которая могла ночью перепутать кухню с коридором. С Баро и хлебом на семь кусков – в его аккуратную картину мира не вписывалась.

Там не было графы «нестабильное детство». Там не было пункта «училась не плакать». Там вообще не предполагалось, что человек может вырасти в отчаянных условиях. И Аня это чувствовала. Она замечала, как Сергей чуть напрягается и настроение портится, когда речь заходит о реальности без фильтров. Она понимала всё. Не глупая. Она вообще из тех, кто жизнь изучал не по книжкам, а по звуку хлопающей двери и по интонации шагов в коридоре. У неё слух на правду – как у музыканта.

Потому что когда долго тонеешь, ты не устраиваешь экспертизу спасательного круга. Ты не спрашиваешь сертификат качества. Ты хватаешься. Даже если это соломинка. Даже если она декоративная – из интерьерного магазина.

И в глубине души Аня рассуждала по-своему, по-житейски:

«Может, и правда не надо ему знать каких-то подробностей?»

А потом внутри тихо отвечал другой голос:

«Нет. Любовь – это когда не бояться услышать».

– Не думай о плохом, – говорил он. – Всё наладится.

И Аня старалась не думать.

Аня приняла его правила игры и решила стать удобной. Не хочешь слушать – не буду говорить.

—

В то утро мама была почти трезвой. Редкое событие, которое Аня научилась ценить, как драгоценный подарок. Она сидела на кухне, закутавшись в старый халат, и пила чай из треснутой кружки, глядя в окно на серое зимнее небо.

— Ань, иди сюда, — позвала она. — Посиди со мной.

Аня вошла, настороженно оглядываясь — не прячется ли где Баро с похмелья. Но в квартире было тихо. Дядя ушёл по своим делам, дети ещё спали.

— Хочешь чай? — спросила мама.

— Налей.

Они пили молча. Потом мама сказала:

— Ты в ПТУ когда последний раз была? Небось прогуливаешь опять?

— Не прогуливаю, — Аня вздохнула. — Была вчера. Нас учили стричь каскад. Манекен давали.

— Получается?

— Вроде да. Преподавательница сказала, руки от природы поставлены. Только практики мало.

Мама улыбнулась. Редкая, робкая улыбка осветила её измождённое лицо.

— Молодец, дочка. Будешь парикмахером — заживём. Людям всегда стричься надо.

— Ага, — Аня тоже улыбнулась, хотя внутри кольнуло.

— Заживём. С Баро? С ним не получится. Он же сущий зверь.

— Ты это, учись! — мама замялась и сделала вид, что про Баро не было реплики. Наверное его боялась или любила. Хотя нет, это странно, вряд ли любила. Скорее не хотела остаться одна. Сама то не подарок.

И как ни в чём не бывала мама сказала:

— Аня, не бросай учёбу. Я вот ничего сейчас не умею. Раньше швейй работала, а теперь по рынкам, да уборкам. А ты сможешь, дочка. У тебя получится.

— Смогу, мам. — Аня помолчала, собираясь с духом, — Мам, может ты закодируешься?

— Ты не понимаешь, дочка, для меня это как анестезия. С выпивкой время быстрее идет и веселее.

— Мам, да ты какой-то бред говоришь! — вспыхнула Аня, — Баро каждый день всех гоняет. Дети плачут. Ты плачешь. Я плачу. А тебе весело.

Агния ничего не возразила. Не оправдывалась, ничего не доказывала. Потом она перевела разговор на другое и спросила:

— А тот военный, Серёжа, он что, серьёзно к тебе?

— Серьёзно, — Аня опустила глаза. — Познакомил меня со своими родителями.

— Ну и как?

— Нормально... — Аня помедлила. — Они люди хорошие, обеспеченные. Квартира у них большая, чистота, картины на стенах. Мать его всё расспрашивала, кто мы да откуда.

— А ты?

— А я сказала, что учусь, что семья у нас простая. Она кивала, но по глазам видно — не очень ей это.

Мама вздохнула:

— Богатым всегда простые не нужны. Но ты держись, дочка. Может, обойдётся.

Аня кивнула

— Если познакомил с родителями, значит замуж скоро позовёт. — пролепетала Аня, хотя в глубине души сама не верила в это чудо. Не обойдётся. Но попробовать стоило.

2 глава.

Табор стоял за городом, в низине. Место, честно говоря, такое, что нормальный человек там и собаку бы жить не пустил. Зимой ветер гулял так, будто специально искал, кому бы ещё простуду подарить. А летом, после дождей, грязь стояла неделями – липкая, вязкая, как совесть у мелкого жулика.

Несколько старых домов на сваях, пара облезлых фургонов, сараи, сколоченные из того, что когда-то, возможно, было досками. И всё это стояло здесь десятилетиями. Никто цыган не выселял. Да и куда их выселять? Государство у нас иногда любит делать вид, что проблемы не существуют. Если их не видно из окна кабинета – значит, их и нет.

В одном из этих домов и родился Джими.

Отец пил. Не просто выпивал по праздникам, как приличные люди, а пил так, что даже праздники начинали выглядеть скромно. Запой длились неделями. В редкие трезвые промежутки он работал – скупал металл, торговал на рынке, но денег всё равно не хватало. Но деньги у него в руках держались примерно так же, как вода в решете – появлялись и тут же исчезали. Причём исчезали в направлении ближайшего ликероводочного магазина.

Мать Джими была тихой, забитой женщиной, которую муж давно превратил в тень. Она боялась всего – отца, соседей, даже собственных детей. На любой окрик она вздрагивала. Она была похожа на запуганное животное.

Когда Джими было тринадцать, она умерла. Просто не проснулась однажды утром. Врач сказал – сердце. Джими знал: её сердце оказалось слишком слабым, не выдержало жизни с отцом.

После смерти отца Джими остался в доме старшего брата Саввы. Формально дом считался общим – достался от родителей, и по цыганским законам все братья имели на него право. Но Савва был старшим, а значит, главным. Его слово становилось законом.

Савва был мужчина крупный, шумный, с привычкой говорить так, будто каждое слово – приказ. Он не любил лишних разговоров. Если сказал – значит, так и будет.

В доме, кроме Саввы, жили ещё два брата – Роман и Илья. Оба женатые, оба с детьми.

Роман был практичным человеком. У него уже было трое детей, и он смотрел на жизнь просто: главное – прокормить семью. Остальное потом.

Илья был мягче. Но мягкость его быстро исчезала, когда дело доходило до бытовых споров. А споры в таком доме происходили каждый день.

Роману досталась комната побольше, потому что у него было трое детей. Илья с женой и двумя погодками ютились в самой маленькой. Джими выделили угол в общей комнате – проходной, где постоянно кто-то ходил, гремел посудой, орали дети и бранились женщины.

Место нашлось в углу общей комнаты, на старом матрасе, который пах так, что поначалу Джими не мог уснуть, первое время его тошнило. Но привык. Ко всему можно привыкнуть.

Братья его не замечали. Жёны братьев – тем более. Для них он был лишним ртом, который приходилось кормить. Джими старался зарабатывать. Работал на рынке: таскал мешки, грузил коробки, помогал торговцам. Любая шабашка подходила. Деньги отдавал в общий котёл, но благодарности не получал.

– Мало, – бурчала жена Саввы, Ляля, пересчитывая мятые купюры. – Другие вон по сколько приносят. А ты...

Она не договаривала, но Джими и так знал, что она думает. «Приживало, дармоед, обуза».

Он молчал. Уходил в свой угол и смотрел в потолок.

Иногда человек лежит и смотрит в потолок не потому, что там интересно. А потому что потолок – единственное место, которое не смотрит на него с осуждением. И тогда он думал. Когда-нибудь он уйдёт отсюда.

Когда-нибудь. Потом.

Рума появилась через несколько лет после того, как он переехал к братьям. Ей было пятнадцать, а ему шестнадцать. Она жила в фургоне на соседней улице с тёткой, потому что родителей у неё не было – отец сидел, мать замёрзла прошлой зимой. Тётка была рада сплавить племянницу с глаз долой и не возражала, когда Рума начала пропадать у Джими.

Джимми её не звал к себе. Она сама пришла. Увидела его в общем дворе, прицепилась, как репей:

– Эй, красавчик, чего скучаешь?

– Я вовсе не скучаю.

Она не отставала. Приходила каждый день, садилась рядом, болтала без умолку, смеялась, трогала за руку. Братья посмеивались:

– Гляди, Джими, баба сама в руки идёт. Бери, пока дают.

Они начали встречаться. Рума водила его в компанию, знакомила с подругами, хвасталась: «Смотрите, какой у меня парень!» Джими чувствовал себя экспонатом. Но не возражал.

Цыганские законы в таборе были простыми. Если парень приводил девушку в дом и они начинали жить вместе, это считалось почти браком. Никакой регистрации, никаких бумаг – просто факт. Родители, если они есть, могут возмутиться, но если девушка согласна – значит, так тому и быть.

Рума была согласна. Более чем.

Рума впечатляла своей внешностью. По-цыгански яркая, с чёрными глазами и пухлыми губами, которые всегда просили поцелуев. Джими с ней почувствовал себя мужчиной.

Она говорила только о себе. О том, как она хороша, как все на неё смотрят, какие подарки ей дарят. Она требовала внимания постоянно, ревновала к каждому столбу, закатывала скандалы, если Джими смотрел не на неё.

– Ты мой! – кричала она. – Только мой! Слышишь?

– Слышу, – нехотя отвечал Джими. Но в этом было приятное, что он нужен, востребован. За долгие годы никчемности нашёлся человек кому он небезразличен. Но в то же время он понимал, что Рума очень цепкая, от неё так просто не вырвешься. Навсегда быть в её тисках не входило в его планы.

– Я к тебе перееду, – заявила она однажды. Не спросила, а поставила перед фактом.

Джимми смутился и пожал плечами:

– Хочешь – живи. Только здесь и так тесно.

– Ничего, потеснимся.

Так Рума появилась в доме братьев. Ей выделили место на том же матрасе, рядом с Джими. Жёны братьев косились, но молчали – не их дело. Савва только хмыкнул:

– Смотри, парень, кормить её сам будешь. Лишний рот нам не нужен.

Джимми кивнул. Он и не рассчитывал на помощь.

Первое время Рума старалась быть полезной. Помогала по хозяйству, нянчилась с детьми, даже готовить пыталась. Но быстро поняла, что её никто не ценит, и заскучала.

Яркая, шумная Рума, любила распускать длинные волосы, чтобы все видели, какие они у неё шикарные. Чёрные, большие глаза подчеркивали её красоту. Жёны братьев, особенно Ляля, смотрели на неё с завистью. Сами они давно превратились в замученных бытом тёток, вечно беременных или с младенцем на руках. А Рума ходила как пава, и мужики провожали её взглядами.

Джимми это бесило. Не то, чтобы ревновал – просто Рума вела себя так, будто он – её собственность, а она – королева, которая снизошла до простого смертного.

- Ты мой, – говорила она, виснув на нём при всех. – Только мой. Слышишь?
– Слышу, – отвечал он, обнимая её изящную талию.

В доме старшего брата Саввы было тесно всегда. Люди, дети, вещи – всё перемешалось, и найти отдушину для себя казалось невозможным. Но по ночам, когда все засыпали, у Джими и Румы был общий матрас, как остров, где они уединялись. Потом они купили диван у заточника ножей.

Старый, скрипящий, с пружинами, которые впивались в спину, он стоял в самом углу общей комнаты, отгороженный ширмой из старого покрывала. За этой ширмой начинался их мир – маленький, душный, но хотя бы свой.

Рума любила эти ночи. Не столько за близость, сколько за возможность прижаться к Джими, чувствовать его тепло, слышать дыхание. Днём он был чужим – молчаливым, отстранённым, часто смотрящим куда-то мимо. А ночью, в темноте, он становился ближе. Хотя бы телом.

Она сама приходила к нему. Сама тянулась, сама находила его губы, сама расстёгивала рубашку. Джими не отказывал. Но и не искал сам.

– Почему ты молчишь? – шептала она сквозь слёзы, лёжа на его плече. – Скажи хоть что-нибудь.

- Что сказать?
– Скажи, что я тебе нужна.
– Ты нужна.
– Не так. По-настоящему.

Он вздыхал. Поворачивался на спину, смотрел в потолок.

– Я не умею по-настоящему, Рума. Меня не учили.

На следующую ночь она старалась особенно. Целовала его шею, грудь, проводила руками по спине, шептала нежности. Он отвечал, но как-то механически, будто выполнял работу. Тело отзывалось – тело не обманешь, – но глаза оставались холодными.

Рума чувствовала это. Всем своим нутром, каждой клеточкой чувствовала, что она для него – лишь способ отвлечься. Тёплая, доступная, всегда рядом.

– Посмотри на меня, – просила она.

Он посмотрел. Но в темноте его глаза казались чёрными дырами, в которых ничего не отражалось.

- Ты красивая, – говорил он. И это было правдой.
Но красивая – не значит любимая.

Иногда, после близости, Рума плакала. Тихо, чтобы не услышали за ширмой. Джими замечал, но не спрашивал. Просто гладил по голове, как ребёнка, и молчал.

Она знала. Знала его историю, знала, как он рос без матери, с отцом-пьяницей, с братьями, которым он безразличен. Знала, что внутри у него – выжженная пустыня. Но надеялась, что её любви хватит, чтобы там что-то выросло.

Она иногда плакала, била его подушкой, грозилась уйти. Но не уходила. Потому что идти ей было некуда.

Так они и жили: вместе, но порознь. Джими работал, Рума слонялась по дому, смотрела телевизор, ссорилась с жёнами братьев. Конфликты случались каждый день.

- Твоя опять мои серьги брала! – кричала Ляля.
– Не брала я ничего! – визжала Рума в ответ.
– А кто брал? Сами ушли? Ног у них нет.

Джими затыкал уши и уходил во двор. Ему было стыдно. За неё, за себя, за этот цирк. Всё кончилось в один день.

У Ляли пропал браслет. Не простой, а золотой, с камнями – подарок Саввы на годовщину свадьбы. Она носила его редко, берегла, хранила в шкатулке под бельём.

А тут заглянула в шкатулку— нету.

Ляля подняла крик. Перерыла всю комнату, обвинила всех подряд, даже собственных детей. Обыскали весь дом. Ничего.

— Это она, — ткнула Ляля пальцем в Руму. — Больше никому. У неё руки загребушие, я давно замечаю.

— Докажи! — заорала Рума.

— Докажу.

Ляля подошла к тумбочке в углу, где Рума держала свою косметичку — атласную, потрёпанную, с облезлыми цветами. Рума рванулась к ней, но Ляля уже открыла.

Браслет лежал сверху, на помадах и тенях. Блестел, как ни в чём не бывало.

В комнате стало тихо.

— Вот, — Ляля подняла браслет двумя пальцами, будто дохлую мышь. — Смотрите, люди.

Рума побелела.

— Я не брала! — закричала она. — Не брала! Кто-то подбросил! Это она сама подбросила, чтобы меня оговорить! Она давно от меня хочет избавиться.

Никто не поверил. Слишком очевидно. Слишком громко.

Савва вошёл в комнату, посмотрел на браслет, на Руму, на Джими, который стоял в углу, вжав голову в плечи.

— Собирай манатки, — сказал он Руме коротко. — Убирайся. Чтобы духу твоего здесь не было.

— А он? — Рума ткнула в Джими. — Он со мной!

— Он остаётся, — отрезал Савва. — Ты воровка.

— Я с ней.— Джими сжал кулаки.

Тут Рума заметалась, запричитала, бросилась к нему:

— Джими! Скажи им! Скажи, что я не брала! Ты же мой муж!

— Ляля, Рума она... не такая.

— Не такая, а браслет у нее в косметичке оказался.

— Может ты не туда положила?

— За дуру меня считаешь? — возмущалась Ляля.

— Валите отсюда— потребовали братья.

Рума и Джими собрали вещи за пять минут. Дверь за ними захлопнулась.

В доме повисла тишина. Братья переглянулись. Наконец-то избавились от лишнего рта, как и хотели. Но на душе будто кошки скребли. Эта история с браслетом потрепала нервы.

Джими и Рума пошли по ночной дороге. Куда — неизвестно. Просто шли, потому что останавливаться было нельзя.

Ночь застала их в городе. Денег не было, знакомых тоже. Рума предлагала поехать на вокзал, но Джими отказался — там полиция, могут забрать. Лето было тёплым, и он решил, что можно переночевать под мостом.

Мост был старый, железнодорожный. Под ним пахло мочой и сыростью, но местами сохранился сухой бетон и зеленая трава. Джими нашёл угол, постелил свою куртку.

— Ложись, — сказал Руме.

Она легла, прижалась к нему. Дрожала.

— Холодно?

— Нет. Противно.

Он промолчал. Смотрел в чёрное небо, видимое из-под моста, и думал о том, как до такого докатился. Иногда человеку кажется, что он уже дошёл до самого дна. А потом выясняется — снизу есть ещё один этаж.

Рядом сопела Рума. Воняло бензином и крысами. Где-то вдалеке шумели поезда.

Джими смотрел в небо и думал, что утром надо будет искать работу. И жильё. И как-то выживать.

А ещё думал о том, что когда-нибудь обязательно встретит ту, ради которой захочет стать лучше. Ту, которая будет смотреть на него не как на собственность, а как на человека.

Но это будет потом. А пока – ночь, мост, и Рума, которая дышит в плечо.

Утром он проснулся от того, что солнце било прямо в глаза. Рума ещё спала, свернувшись калачиком на его куртке. Джими сел, потёр лицо ладонями.

Вокруг просыпался город. Лаяли собаки, где-то загудела электричка. Жизнь продолжалась.

– Вставай, – он тронул Руму за плечо. – Пошли.

– Куда?

– Искать, где жить.

Она открыла глаза, посмотрела на него мутным спросонья взглядом. И вдруг улыбнулась – впервые за долгое время.

– А знаешь, – сказала она. – Я ведь никогда не спала под открытым небом. Страшно, тёмно. И очень холодно ночью.

– Потерпи, нужно найти работу. А там и жильё.

Они пошли по утреннему городу, два изгоя, которых выгнали свои. И никто из них не знал, что ждёт впереди.

3 глава.

Рынок назывался «Южный». Название, честно говоря, было громкое, почти курортное. Сразу представляешь пальмы, солнце, фрукты. А на деле – огромная территория на окраине города, заставленная контейнерами, ржавыми ларьками и палатками из брезента.

Тут продавалось всё.

От носков до мяса. От китайских игрушек до подержанных телефонов. От дешёвой бижутерии до подозрительно «золотых» цепочек.

Пахло тоже всем сразу: шаурмой, перцем, прелыми овощами, дешёвыми духами и потом. Такой запах бывает только на рынках – смесь торговли, надежды и усталости.

Если где-то и можно было затеряться человеку без прошлого и будущего, так это здесь.

Джими устроился грузчиком к одному из торговцев.

Звали его Ашот.

Ашот был человеком ярким. Крупный, с круглым животом, густыми усами и неизменной сигаретой в зубах. На пальце у него сверкал толстый золотой перстень – такой, что им при желании можно было орехи колоть.

Он посмотрел на Джими внимательным, цепким взглядом человека, который за жизнь видел тысячи таких же голодных парней.

– Работать много, – сразу сказал он.

– Понимаю.

– Деньги платить мало.

– Тоже понимаю.

– Но есть будешь.

Джими кивнул.

– Согласен.

Ашот усмехнулся.

Он вообще уважал людей, которые не торгуются, когда речь идёт о выживании.

С этого дня жизнь Джими превратилась в бесконечное движение. Ящики с товаром. Мешки с картошкой. Коробки с яблоками.

Иногда казалось, что рынок живёт по странному закону: чем больше ты таскаешь, тем больше появляется новых ящиков.

К вечеру руки гудели, спина ныла, пальцы немели. Но Джими не жаловался.

Работа имела одно большое преимущество: она забирала мысли.

А мыслей у него было много.

О доме, которого больше нет.

О братьях, которые выставили его за дверь.

О Руме, которая теперь была рядом, как тяжёлый, но уже привычный груз.

Рума тем временем нашла своё занятие.

Рынок – вообще идеальное место для таких, как она.

Тут всегда много людей. А где много людей – там много доверчивости.

– Погадаю! – кричала она, проходя между рядами. – Кому погадать? Ручку позолотите – всю правду расскажу!

Цыганка с огромными чёрными глазами и длинными волосами всегда привлекает внимание. Это почти закон природы.

Мужики отмахивались.

– Иди, иди...

Бабы смотрели настороженно. Но иногда находились и те, кто останавливался.

Рума умела говорить.

Быстро, складно, мягко. Она ловила взгляд человека и сразу понимала, на какую струну нажать. Это был настоящий талант – видеть не то, что есть, а то, что человек хочет услышать.

– Ой, красавица, – говорила она какой-нибудь женщине с тяжёлыми сумками, – дорога тебя ждёт дальняя...

Женщина настораживалась.

– Какая дорога?

– Хорошая дорога, не бойся. И муж у тебя хороший... любит он тебя. Сказать стесняется, но любит.

Женщина таяла, как мороженое.

Потому что есть фразы, которые люди готовы слушать бесконечно. Особенно если в жизни их слышат редко.

Через минуту в руке у Румы уже шуршала мелочь.

Она ловко прятала её в карман широкой юбки и шла дальше.

Но главное её внимание притягивало другое место. Ювелирные ряды. Вот там Рума могла стоять долго. Очень долго. Серьги. Кольца. Цепочки. Браслеты.

Золото сверкало под лампами, переливалось, играло светом.

И в глазах Румы появлялся голод. Не тот голод, когда хочется хлеба. А тот, когда хочется жить красиво.

– Девушка, что-то хотите? – спрашивали продавцы настороженно.

– Хочу, – отвечала она честно. – Очень хочу.

Но денег не было.

Те крохи, что удавалось выпросить у доверчивых клиентов, уходили на еду. И на то, чтобы выглядеть хотя бы чуть-чуть нарядно.

Рума смотрела на витрины и думала:

«Когда-нибудь...». Это опасная мысль.

Потому что иногда «когда-нибудь» толкает человека на странные поступки.

Однажды она проходила мимо прилавка с бижутерией.

Пожилая женщина выбирала бусы. И, как это иногда бывает, положила кошелек прямо на прилавок.

Кошелек был толстый. Очень толстый. Рума замерла. Сердце забило быстрее.

Продавец отвернулся. Женщина увлечённо перебирала украшения. Рука Румы сама потянулась.

Иногда человек делает поступок быстрее, чем успевает подумать.

Одно движение – и кошелек исчез в складках юбки. Она отошла. Потом ещё шаг. Потом смешалась с толпой.

И только когда оказалась в туалете, руки у неё начали дрожать.

Она закрылась в кабинке и открыла кошелек. Три тысячи. Для неё это было почти богатство. Она сначала засмеялась.

Потом испугалась. Потом быстро спрятала деньги в карман юбки.

В тот вечер она купила себе серёжки. Не золотые, конечно, позолоченные. Почти как настоящие.

Когда Джими увидел их, он посмотрел на неё внимательно.

– Где взяла?

– Купила.

– На что?

– Люди много гадали сегодня.

Он молчал.

Иногда человек понимает правду без слов.

Но предпочитает поверить, так как доказать не может.

По вечерам они возвращались в коммуналку.

Дом был старый, с длинным коридором и кухней, где всегда пахло луком и жареным маслом. Несколько семей жили вместе, потому что по отдельности никто бы не потянул аренду.

Джими и Руме выделили угол за ширмой.

Кровать. Тумбочка. Вешалка. Маленький островок среди чужих жизней.

Хозяином дома был пожилой грузин по имени Автандил.

Автандил был человеком строгим, но справедливым. У него были густые седые брови и привычка смотреть на людей так, будто он заранее знает, кто сколько врёт.

Главное правило дома было простым:

Каждый вечер жильцы сдавали часть денег на общие расходы.

Свет. Вода. И за то, что Автандил не выставляет всех на улицу.

Джими отдавал деньги спокойно.

Заработал двести – пятьдесят на стол. Остальное на жизнь.

Рума деньги отдавать не любила.

– Сколько сегодня? – спрашивал Автандил.

– Народ не хочет гадать, – вздыхала она. – Кризис у людей.

И клала на стол три мятые десятки.

Автандил смотрел на неё долго. Очень долго. Но молчал. Доказать ничего не мог. Джими знал, что она врёт.

Он видел новые серьги. Новый платок. Её взгляд, который она отводила.

Но он ничего не говорил.

Потому что каждый выживает как умеет.

Однажды на рынке поднялся шум.

– Украл! – кричал ювелир. – Цепочку украл!

– Кто?

– Цыганка тут крутилась! Чёрная, в юбке!

Джими почувствовал, как сердце неприятно сжалось.

Он быстро ушёл в другой ряд.

Вечером он спросил:

– Ты сегодня у ювелиров была?

– Нет.

Слишком быстро ответила Рума.

Он посмотрел на неё внимательно.

– Смотри, Рума. Воры долго не живут.

Она попыталась улыбнуться.

– А кто ворует? Я честная цыганка.

Но улыбка получилась кривой.

Ночью она прижалась к нему. Дышала в шею. Искала защиты.

Джими не отстранился.

Иногда человеку просто нужно тепло.

Даже если он понимает, что рядом не тот человек.

Рума пахла духами и рыночной пылью. Шептала ласковые слова.

А Джими лежал с закрытыми глазами и думал.

Когда-нибудь всё изменится. Когда-нибудь появится другая.

Та, ради которой он будет просыпаться утром не из привычки, а из желания.

Та, которая не будет врать. И не будет воровать.

Но пока была только Рума. Эта кровать. Этот угол. И этот шумный рынок, на который утром они снова пойдут.

Он – таскать ящики. Она – искать доверчивых людей.

И блестящие вещи, которые так хочется иметь.

4 глава.

Джими работал на рынке уже третий месяц, когда впервые увидел Чиж.

Вообще-то такие люди не появляются – они как будто материализуются из воздуха. Вот секунду назад его не было. А в следующую – уже сидит рядом.

Возник незаметно, будто всегда тут был. Чиж был мелкий, вертлявый, словно его в детстве просто завели как юлу и забыли выключить. Глазки бегают, губы всё время складываются в полуулыбку, будто он знает что-то смешное про всех вокруг. И про тебя тоже. Одет он был странно: спортивные штаны, а сверху кожаная жилетка – прямо на голое тело. И весной, и летом. Видимо, организм у него был закалённый. На пальцах дорогие перстни, на шее тонкая цепочка, которая, если присмотреться, оставляла на коже тёмные следы.

– Здорово, чернявый, – сказал он в первый раз, присаживаясь на ящик рядом с Джими во время перекура. – Тяжело?

Вопрос был риторический. Человек, который таскает по пядьдесят килограммов овощей в день, обычно не от хорошей жизни этим занимается.

Джими только кивнул.

– Вижу, тяжело, – Чиж довольно ухмыльнулся, будто услышал подтверждение своим мыслям.

– Ашот, он такой. Жмот ещё тот. Но платит, это да. Главное – спину не сорвать.

– Постараюсь, – буркнул Джими.

– Молодой, – Чиж оглядел его с головы до ног. – Сильный. Красивый даже. Чего такой красивый горбатишься?

– А куда идти?

– Вопрос, – Чиж хохотнул. Он поднял палец, словно профессор, который сейчас объяснит студентам устройство Вселенной – Вопрос правильный. Куда идти? А я знаю куда. Только не каждому говорю.

Он встал, отряхнул штаны и ушёл, оставив после себя запах паршивых сигарет и какой-то сладковатой дряни.

Джими забыл о нём через минуту. На рынке вообще долго думать некогда – там ящики появляются быстрее, чем мысли.

Иногда казалось, что рынок живёт по странному закону: чем больше ты переносишь ящиков, тем больше их становится. Прямо как проблемы в жизни. Разгрузил одну – подъехала машина с новыми. К вечеру руки гудели, спина ныла, пальцы немели. Но у этой работы был один большой плюс. Она забирала мысли.

А мыслей у Джими было много. О доме, которого больше нет.

О братьях, которые однажды просто выставили его за дверь. Спокойно, по-деловому, как будто речь шла не о человеке, а о старом диване.

О Руме. Рума... она теперь была рядом, как быстро надоедливый груз. Сначала раздражает, потом просто привыкаешь нести.

Он вообще много думал. Даже слишком.

Иногда ему казалось, что вся его жизнь – это какой-то странный перекрёсток. Стоишь и не знаешь, куда идти. Вроде бы дорога есть. Но куда она ведёт – никто не говорит.

Чиж появлялся регулярно. То у ларька с шаурмой, то в подсобке, то просто сидел на ящиках и смотрел, как грузчики таскают товар. Он ничего не грузил, ничего не продавал, просто был. Как тень. Как крыса, которая знает все ходы и выходы.

Через пару недель Чиж снова подошёл к Джими.

– Слышь, красавчик, – сказал он, понижая голос. – А хочешь легче жить?

– Чего?

– Легче, говорю. Чтоб спина не болела. Чтоб голова не думала. Чтоб деньги были, а работать не надо.

Джими посмотрел на него внимательнее. В глазах Чиж плясали бесенята.

– Ты про что?

– Про то, – Чиж достал из кармана мятую пачку сигарет, протянул Джими. Тот отказался. Чиж закурил сам, пуская дым в сторону. – Ты когда-нибудь пробовал расслабиться по-настоящему? Не водку жрать, от которой башка трещит, а так, чтоб внутри всё пело?

– Не пробовал.

– А я пробовал, – Чиж сощурился. – Хочешь, научу? За так, для начала. Потом сам решать будешь.

Джими молчал. Внутри что-то шевельнулось – то ли любопытство, то ли страх.

– Ты кто вообще? – спросил он.

– Я? – Чиж усмехнулся. – Я друг. Для таких, как ты. Которым тяжело. Которые хотят забыться. Пробовал?

– Не пробовал.

– А я пробовал, – усмехнулся Чиж. – Жизнь – она вообще штука тяжёлая. Но я знаю способ, как сделать так, чтобы она хотя бы на пару часов переставала быть такой.

Он встал, бросил бычок на землю и растёр его подошвой.

– Подумай, красавчик. Я всегда тут.

И ушёл. А Джими остался сидеть на ящике.

И впервые за долгое время работа не смогла отвлечь его мысли. Потому что в голове крутилась одна фраза. «Легче жить...»

А люди, как показывает жизнь, часто делают самые большие ошибки именно тогда, когда хотят просто немного легче жить.

Джими думал, думал. Не специально – мысли сами лезли в голову. Особенно вечером, когда спина гудит, денег не хватает, Рума пилит, а впереди – бесконечная череда таких же дней.

Забиться. Звучало как спасение.

Через неделю он сам подошёл к Чижу.

– Научи, – сказал коротко.

Чиж довольно осклабился:

– А я ждал. Пошли.

Он привёл его за контейнеры, где пахло гнилью и крысами. Достал из кармана маленький бумажный свёрток.

– Это травка. Лёгкая. Для начала. Понюхай.

Джими понюхал. Пахло странно – сладко,пряно, незнакомо.

– Курить надо, – пояснил Чиж. – Сейчас скручу.

Он ловко скрутил самокрутку, протянул Джими:

– Давай, пробуй. Только не бойся. Первый раз всегда страшно.

Джими взял. Поднёс к губам. Чиж чиркнул зажигалкой.

Он затянулся.

И мир стал мягче. Края перестали быть острыми, углы сгладились. Джими выдохнул дым и почувствовал, как тяжёлые мысли утекают куда-то вниз, в землю, в грязь под ногами.

– Ну как? – спросил Чиж, довольно наблюдая.

– Хорошо, – удивлённо сказал Джими.

– А то! – Чиж хлопнул его по плечу. – Это только цветочки. Ягоды потом будут.

Джими не спросил, что за ягоды. Ему было хорошо. Впервые за долгое время.

Так Чиж вошёл в его жизнь. Сначала как спаситель от тоски, потом – как проводник в бездну.

Но это будет потом. А пока – лёгкая трава, мутное небо над головой и чувство, что всё наладится.

Чиж сидел рядом, курил и щурился на закат.

– Ты главное, чернявый, запомни, – сказал он на прощание. – Я тебе не враг. Я тебе друг.

Кому ещё доверишься, если не другу?

Джими кивнул. Он ещё не знал, что такие друзья стоят дороже врагов.

Но скоро узнает.

Однажды Джими после работы не пошёл в коммуналку. Нашёл тот же пустырь за рынком, ту же ржавую бочку. Долго смотрел на пакетик, который ему сунул Чиж, на белый порошок, который казался безобидным, как мука.

«Забудешь всё». Джими взял пакетик. Повертел в руках. «Фигня какая-то». Он уже хотел вернуть. Он вспомнил братьев, их презрительные взгляды. Вспомнил Руму, её выразительные, но пустые глаза и несправедливые претензии. Вспомнил, как спина болит после ящиков, как денег всегда не хватает, как тошно по утрам просыпаться.

Вспомнил спину после работы. Сжал пакетик.

– Один раз, – сказал он вслух. – Забыться на один раз. Хорошо бы.

Он сделал, как показывал Чиж. Вдохнул.

И мир перестал существовать.

Сначала пришло тепло. Невероятное, всепоглощающее тепло, которое разлилось по телу, растворяя каждую мышцу, каждую кость. Джими откинулся назад, прислонившись к бочке, и улыбнулся. Губы сами расползлись в блаженной улыбке.

Хорошо. Как же хорошо.

Потом тепло стало жаром. Жар пульсировал в висках, в груди, в пальцах. Джими сжал кулаки и почувствовал невероятную силу. Он мог всё. Свернуть горы. Раздавить этот город. Усмирить любого, кто посмеет...

Мысль оборвалась. Кто посмеет что? Он уже не помнил. Осталась только злость – тёплая, сладкая, пьянящая злость на весь мир.

Он встал. Пошатнулся. Засмеялся – хрипло, страшно.

– А-а-а! – закричал в пустоту.

Никто не ответил. Только эхо заметалось между гаражами.

Он пошёл. Не помня куда, не понимая дороги. Погулял по городу и ноги сами понесли его к дому, к коммуналке, к Руме.

Как он добрался – не запомнил. Очнулся уже в коридоре, пахнущем щами и сыростью. Толкнул дверь в их угол. Рума сидела на кровати, что-то рассматривала в маленькое зеркальце.

Услышав шаги, обернулась.

– Явился, – сказала она с привычным недовольством. – Где шлялся? Я тут...

Она осеклась, увидев его глаза.

Джими стоял в проёме, и взгляд у него был злоедейский. Чёрные зрачки расширены так, что радужки почти не видно. Лицо превратилось в маску, на которой застыла странная, пугающая улыбка.

– Ты чего? – Рума попятилась. – Джими, ты...

Он шагнул к ней. Она вжалась в стену.

И тут его взгляд упал на её шею. Там, на тощей, смуглой шее, блестело золото. Тонкая цепочка с маленьким кулоном. Новая. Откуда? Он не видел её раньше.

– Красиво, – сказал он, и голос прозвучал чуждо, со стороны. – Дай посмотрю.

Рума вжалась сильнее:

– Джими, не надо... Это просто цепочка... Я её...

– Ты её украла?

– Нет, – кричала Рума, чтобы Джими её услышал. Он был рядом, но казалось очень далеко. Они друг друга не понимали.

Он не слушал. Протянул руку, чтобы потрогать. Пальцы коснулись золота, потом кожи. Тёплая, живая кожа под пальцами пульсировала.

И вдруг что-то щёлкнуло в голове.

Злость. Бешеная, животная злость на это золото. На неё. На то, что она ворует. На то, что врёт. На то, что она есть – чужая, фальшивая, возможно как эта цепочка.

Пальцы сжались сами.

Рума захрипела. Её глаза расширились от ужаса, руки вцепились в его запястье, пытаясь разжать хватку. Но он был сильнее. Намного сильнее.

– Жи... ми... – прохрипела она.

Он смотрел, как её лицо наливается кровью, как губы синеют, как глаза вылезают из орбит. И ему было всё равно. Даже хорошо. Правильно.

– Ты воровка, – сказал он спокойно, будто сообщал погоду. – Ты пустая. Ты никто.

Рума уже не могла дышать. Она билась в его руке, как птица, но хватка была железной.

И вдруг что-то оборвалось. Внутри. Как будто лопнула струна.

Джими отдернул руку, будто обжёгся. Рума упала на кровать, хватая ртом воздух, кашляя, задыхаясь, с хрипом втягивая воздух.

Он смотрел на свои руки. На пальцы, которые только что сжимали её горло. И не понимал, как это произошло.

– Я... – начал он, и голос сел. – Рума... я...

Она отползла в угол кровати, прижимаясь спиной к стене, и смотрела на него с таким ужасом, будто перед ней был не человек, а зверь.

– Не подходи, – прохрипела она сорванным голосом. – Не подходи ко мне, урод!

– Я не хотел... – он шагнул к ней.

– Не подходи!!!

Она вскочила, схватила свою сумку, заметалась по углу, хватая вещи. Джими стоял, не в силах пошевелиться.

Рума выбежала в коридор. Через минуту хлопнула входная дверь.

Он остался один.

В голове муть начала рассеиваться. Страшная, ледяная ясность приходила на смену дурману. Он опустился на пол, прислонился спиной к кровати и закрыл глаза.

На шее, на пальцах, до сих пор чувствовалось тепло её кожи. И то, как она билась под его рукой.

– Что я наделал, – прошептал он в пустоту.

Никто не ответил. Через час пришло осознание. Через день – раскаяние. Он же мог стать убийцей из-за какого-то порошка. Когда он Джими это понял, он зарыдал. Совесть стала его упрекать.

Больше он никогда не прикасался к этому дурманящему порошку.

5 глава.

После той ночи, когда он едва не задушил Руму, Джими продержался в коммуналке ещё неделю. Сам не знал, зачем. Наверное, надеялся, что она вернётся и всё станет как раньше. Но Рума не возвращалась. Соседи сказали, видели её на вокзале с какими-то таборными – уехала, наверное, к дальним родственникам на север.

Джими остался один.

В углу за ширмой стало пусто и холодно. Даже не смотря на то, что это было лето. Даже когда за окном палило солнце и слепило глаза. К тому же воняло гниющими отбросами с помойки и это омрачало нахождение здесь.

Он продолжал ходить на рынок, таскать ящики, получать от Ашота деньги и молча отдавать их Автандилу за угол. Но внутри что-то сломалось. Чиж больше не подходил – то ли обиделся, то ли нашёл новую жертву. Джими и не искал его. После того случая с Румой он боялся даже смотреть в сторону тех пакетиков.

Боялся себя.

Однажды вечером, сидя на своей кровати и глядя в стену, он понял: так дальше нельзя. Не потому что тяжело – к тяжести бытия он привык. А потому что пусто. Совсем пусто. Ни цели, ни смысла, ни человека, ради которого стоит жить.

И тогда он вспомнил про дядю Баро.

Баро был старшим братом отца. Когда-то, много лет назад, они разругались в пух и прах из-за какого-то наследства – дедовского дома, который обоим был нужен, а достался почему-то отцу. Баро тогда кричал, что проклинет всю их семью, и ушёл в город. С тех пор они не виделись.

Но Джими знал, где он живёт. Мать когда-то рассказывала, показывала адрес: «Если совсем худо будет, сынок, иди к дяде. Он злой, но справедливый. Не выгонит».

Худо было. Хуже некуда.

Утром он собрал вещи. Всё своё богатство уместилось в старую спортивную сумку, которую когда-то нашёл рядом с помойкой: пара футболок, запасные штаны, новые кроссовки, которые он берег для особых случаев. Из зеркала в прихожей на него смотрел осунувшийся парень с тёмными кругами под глазами и трёхдневной щетиной.

Джими задержался взглядом на своём отражении. Вспомнил, как раньше подолгу смотрелся в зеркало у братьев, как искал в нём подтверждение, что он существует и что физиономия у него довольно привлекательная. Сейчас смотреть было противно. В мутном стекле отражался жестокий человек. Тот, который едва не лишил жизни другого.

– Прощай, – сказал он своему отражению и вышел.

Автандилу он должен был за сутки, но отдать было нечем. Джими оставил заработанное себе на дорогу. Старый грузин только махнул рукой:

– Иди уже. Бог подаст.

Джими вышел на улицу. Лето было в самом разгаре – пекло, духота, над асфальтом дрожало марево. Он пошёл пешком, потому что денег на транспорт не было. Адрес он помнил смутно: какой-то район на окраине, старые пятиэтажки, где селились те, кому не повезло в жизни.

Он шёл и думал. О том, что скажет Баро. О том, что тот может просто закрыть дверь. О том, что тогда придётся снова ночевать под каким-нибудь мостом, как в первые дни с Румой.

Но Румы больше нет. И мост теперь не вариант – одному там не комильфо.

Город кончился, начались частные дома, потом снова пятиэтажки, облезлые, с облупившейся краской и вечно открытыми подъездами. Джими сверял адрес по памяти, крутил головой, искал нужный номер.

Нашёл к вечеру. Старая хрущёвка, четвёртый этаж, обшарпанная дверь с облупившейся краской. Он долго стоял на лестничной клетке, не решаясь нажать на кнопку звонка. Сердце колотилось где-то глубоко в груди.

А если выгонит? Если пошлёт? Если вспомнит старую вражду с отцом и выльет на него, Джими, всю свою злость?

Другого выхода не было.

Он нажал.

За дверью долго никто не открывал. Джими уже решил, что никого нет, как вдруг послышались шаркающие шаги, лязгнула цепочка, и дверь распахнулась.

На пороге стоял Баро. Такой же огромный, как в его детских воспоминаниях, только ещё более обрюзгший, с красным лицом и мутными глазами – то ли с похмелья, то ли просто усталый. Он смотрел на Джими, и в его взгляде не было ни узнавания, ни радости.

– Чего надо? – спросил хрипло.

Джими сглотнул. Язык прилип к нёбу.

– Дядя, – сказал он. – Это я, Джими. Сын твоего брата.

Баро наморщил лоб, вглядываясь. Потом узнавание мелькнуло в его глазах, но радостнее он не стал.

– Чего припёрся?

– Помощи просить, – Джими опустил голову. – Жить негде. Братья выгнали. Работы нет, жилья нет. Можно у тебя? Ненадолго. Я не буду мешать, я тихо.

Баро помолчал. Долго, очень долго смотрел на него тяжёлым взглядом. Потом вдруг посторонился:

– Заходи. Проходи в комнату, спать будешь на кресле.

Джими перешагнул порог. В прихожей пахло блинами, котлетами и ещё чем-то аппетитным. А может это с голода так казалось. Из комнаты доносились голоса – женские и детские.

– Семья у меня, – буркнул Баро, будто оправдываясь. – Тесно. Но угол найдётся. На работу устрою. Будешь помогать по дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.